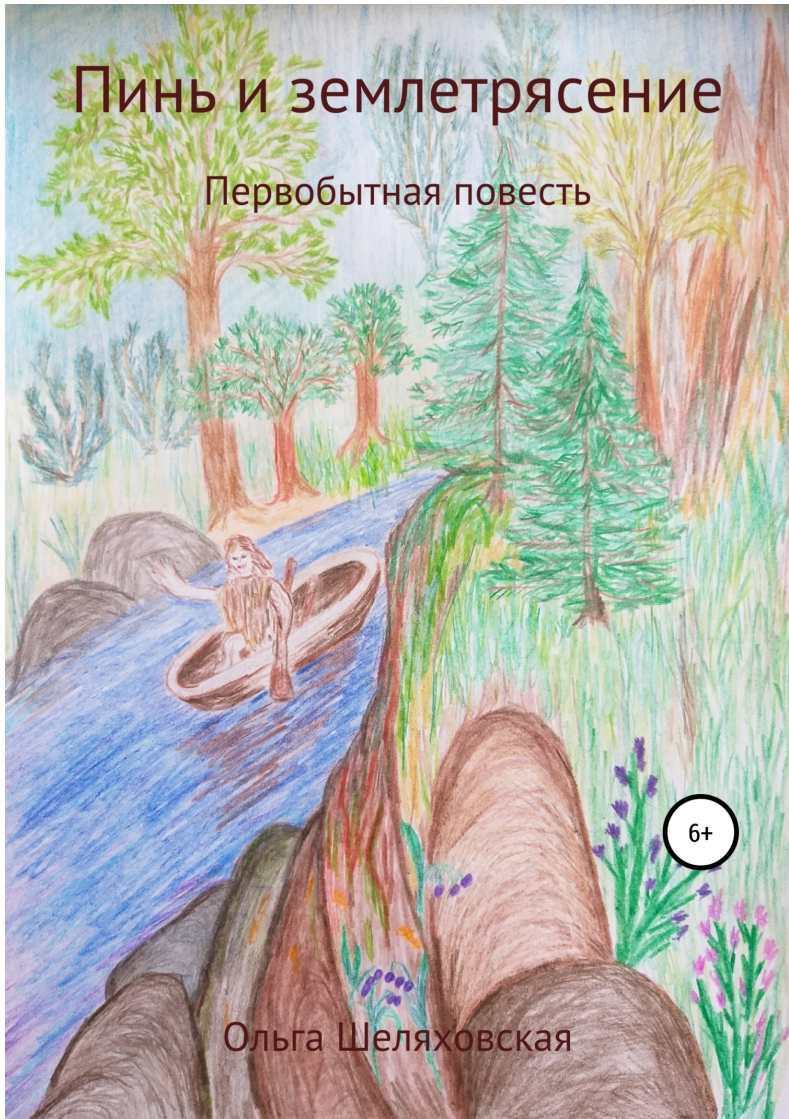

Пинь и землетрясение

Первобытная повесть

6+

Ольга Шеляховская

Ольга Шеляховская

Пинь и землетрясение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64243491

SelfPub; 2021

Аннотация

В первобытном племени каждый человек знает свои обязанности. Вождь всем распоряжается, старейшины думают и помогают вождю мудрыми советами, охотники охотятся, женщины поддерживают огонь в очаге. Шаман договаривается с духами. Дети помогают взрослым и учатся тому, что пригодится им в суровой первобытной жизни. Но вдруг среди белого дня происходит землетрясение, изменившее весь, казавшийся таким незыблемым, порядок вещей.

Ольга Шеляховская

Пинь и землетрясение

Землетрясение

В племени полным ходом шла охота на оленей. Целыми днями охотники выслеживали стадо по лесам и горам. Трудно охотиться в первобытных условиях. Всё оружие – копьё на древке с каменным наконечником. А как добудешь зверя – тащи на себе к пещере. Вот уже трёх оленей добыли охотники. Женщины и девушки только и успевали обрабатывать добычу: снимали шкуры и сушили их на специальных подставках, нарезали мясо заточенными камнями и коптили его над тлеющими щепками. Либо вялили на солнце. Первые дни охоты племя пирило. Потом стали складывать готовое мясо в подземную пещеру, где жить было холодно, а хранить припасы – в самый раз.

Шаман уже три раза станцевал колдовской танец с оленьим бубном, прося прощения у великого предка-оленя за то, что приходится отнимать у животных жизнь. Но иначе никак нельзя в суровых первобытных условиях: не запасёшь еды – погибнешь от голода.

Но вот уже кладовая племени полна запасов – надолго хватит людям копчёной оленины. Да и стадо ушло так далеко, что не догонишь, а догнав – домой добычу не дотащишь.

Вернее, дотащишь, конечно, но замучаешься.

– Конец охоте на оленей! – однажды утром объявил вождь и стукнул своим посохом по гулкому камню. Шаман, завернутый в оленью шкуру, с оленьим бубном в руке и оленьими рогами на голове, приступил к исполнению благодарственного танца великому предку-оленю. Племя было избавлено от голода на ближайшую луну, а в небесном стаде прибавилось три великолепных животных.

Мальчик Пинь уже подрос и больше не уклонялся от обязанностей, как раньше. Наоборот, он мечтал, когда же вождь наконец посвятит его в охотники. Тогда он сможет как большой ходить на охоту, выслеживать зверя и приносить в племя еду. А пока приходилось руками ловить рыбу и ставить ловушки на зайцев – и то только в свободное от сбора хвороста и других детских обязанностей время.

Сейчас даже смешно вспоминать, каким он был непослушным мальчиком. То вместо развешивания шкур побежит купаться в реке или, собирая хворост, загуляется и заблудится в лесу. Дошло до того, что вождь однажды чуть было не выгнал его из племени. Но уж очень большие надежды подавал Пинь как будущий охотник. И рыбу-то он руками умел в реке поймать, и на зайца ловушку соорудить. Всю добычу Пинь честно нёс в племя. И вождь обещал ему, что к следующему лету разрешит посвятить его в охотники, и тогда он сможет охотиться по-настоящему, как взрослый. Поэтому Пинь очень старался быть хорошим, чтобы вождь не

передумал.

Шаман танцевал благодарственный танец, а все люди племени, включая самых маленьких детей, встав в круг, помогали шаману: раскачивались в такт и подпевали в нужных местах. Вдруг шаман замер, не дотанцевав. Племя ещё немного пораскачивалось, но вскоре постепенно остановилось и смолкло.

И тут в наступившей тишине раздался странный, ни на что не похожий грохот, а земля под ногами вздрогнула.

– Что происходит, шаман? – грозно спросил вождь.

– Духи что-то говорят. Не разберу что, – ответил шаман, который понятия не имел, что происходит.

Стало тихо. Тишина стояла странная: не было слышно ни пения птиц, ни шороха листьев на ветру. Стихли даже крики диких зверей в лесу.

И тут снова раздался грохот, ещё громче первого, и земля под ногами вздрогнула сильнее.

– Шаман, что это такое? – очень грозно спросил вождь. – Отчего гневаются духи?

Шаман не мог сказать, отчего гневаются духи и лихорадочно соображал, что бы ответить вождю.

– Когда-то духи уже так сердились. Это было... очень, очень много лун назад, – заговорил старейшина по имени Пы, – давно... у меня тогда ещё зубы все были. И глаза далеко видели...

– Что нам сейчас делать? – перебил его вождь.

– Камни падали прямо с неба, – продолжал вспоминать старый Пы.

В этот миг раздался страшный грохот, и земля ушла у людей из-под ног. С горы прилетел здоровый камень и сшиб рога с головы шамана. Выронив бубен и путаясь в оленьей шкуре, он бросился к своей пещере.

Шаман жил отдельно от племени в другой пещере неподалёку. К нему никто никогда не заходил, так повелось ещё при самых старых старейшинах.

– Все к реке! – громовым голосом скомандовал вождь, и люди побежали кто куда. Мамы бросились собирать своих детей. Вождь, широко расставив руки, теснил племя от горы к реке. В лесу с шумом и треском валились огромные деревья.

Пинь, стоявший в кругу вместе со всеми, помогая шаману благодарить великого предка-оленя, подхватил в каждую руку по сестрёнке и помчался, как велел вождь, к реке. Земля дрожала, сверху летели камни, жутко раскачивались деревья. Пинь метался, уворачиваясь от всего этого ужаса, как вдруг заметил, что прямо на него валится огромная кедровая сосна. Пинь ухватил сестрёнок покрепче и отпрыгнул в сторону, провалился в какую-то щель и скорее забился туда вместе с девочками. Колючие кедровые ветки завалили вход. Но они хотя бы защищали детей от падающих с неба камней.

Снаружи всё тряслось и грохотало. Дети сидели в своём убежище, прижавшись друг к другу и боясь пошевеливаться.

Такого разгула духов они ещё в жизни не видели. Что же такого могли натворить люди племени, если духи так на них рассердились?

А вдруг, подумал Пинь, это всё из-за него? Он не слушался маму, вождя, и вот – пожалуйста. Но, подумал Пинь, неужели из-за него одного всему племени страдать? Да и когда он не слушался в последний раз. Тогда почему? Из-за охоты? Да они всегда охотятся. А как без охоты? Без охоты на одних орешках с ягодами долго не протянешь. И шаман ведь каждый раз прощения у великих предков просил, и так убедительно просил. Да, странная история.

Сестрёнки не плакали, тихонечко сидели. Рядом со своим старшим братом они чувствовали себя в полной безопасности. Разве можно чего-то бояться, когда Пинь с ними? Сам Пинь тем временем совершенно не чувствовал себя в безопасности. Да, конечно, он нашёл убежище. Пусть случайно, но удачно. Впрочем, вход тут же завалило. Правда, всего лишь кроной сосны. Зато наглухо. Хотя какой-то свет к ним всё же проникал. Главное, толстые ветки защищали их убежище от падающих камней. Земля продолжала греметь и вздрагивать. Пинь попытался выглянуть наружу, чтобы посмотреть, что там происходит, но чуть не получил камнем по голове и вернулся к сёстрам. Дал им по кедровой шишке – орешков погрызть. И тут почувствовал запах копчёного мяса. Да это же кладовая! С запасом оленины для всего племени чуть ли не на целую луну. Пинь пролез вглубь, взял

ближайший кусок и разделил его на троих. После еды дети прижались друг к другу и, пригревшись, заснули.

Пещера шамана

Когда Пинь проснулся, девочки ещё спали, земля не тряслась.

Пинь решительно принялся проламывать проход сквозь крону кедра. Весь искололся, пока вылез. Ну и зрелище предстало ему. Поваленные как попало деревья, разбросанные повсюду камни. А вон и вход в их пещеру. Он был полностью завален камнями. Дым из щели в потолке пещеры не шёл. Пинь залез на гору камней, заваливших вход. И тут услышал всхлипы и какие-то звуки.

– Кто там? – спросил Пинь.

– О! А там кто? Пинь? Это ты?

– Мама!

Оказалось, что когда племя помогало шаману благодарить великого предка-оленя за удачную охоту, мама поддерживала в очаге огонь. Когда духи начали трясти гору и сыпать сверху камни, то вход сразу завалило и заодно засыпало запас дров для очага. Мама поддерживала огонь и берегла хворост сколько могла, но к утру догорела последняя веточка и огонь потух. Это было ужасно, невероятно, немислимо. В очаге потух огонь!

Мама оглянулась и поняла, что надо как-то выбираться.

И она стала откатывать камни. Ей было тяжело, и ещё она плакала – оттого, что не знала, где её дети и где всё племя, и из-за потухшего огня. Выбираться было трудно – камни были большие, тяжёлые. И как только вчера пещера не обрушилась. Вон, какие трещины повсюду.

Пинь снаружи, а мама изнутри вытащили несколько камней, и мама смогла вылезти.

А когда из-под веток кедра вылезли сестрёнки Пиня – тут уж мама просто расплакалась от счастья. Все её дети с ней – как же хорошо!

– Что-то есть захотелось, – хитро улыбаясь, сказал Пинь.

– Ой, дети, у нас потух огонь! – вспомнила мама и снова расстроилась.

– Мама, пойдём, покажу, что у нас есть!

И дети наперебой стали рассказывать, где они отсиделись в эту страшную ночь. Пинь слазал в кладовую, достал оленью ногу, и семья позавтракала.

– А что будет с нами теперь? – спросила младшая Ки.

– Ничего хорошего не будет. Все пропали, – проворчала старшая Ка.

Действительно, племя бесследно исчезло. То ли сами убежали, то ли духи их забрали.

– Мама, а где мы теперь будем жить? – спросила младшая Ки. – В кладовой, вместе с мясом? Это хорошо. Или в нашей пещере? И каждый раз будем лазать в эту щёлочку? Ой, как здорово! Чур, я первая. А как там внутри – место-то осталось

или всё завалило? Хотя нет, завалило не всё, ты же осталась.

– Погоди, Ки, не звени, – попросила мама, – Пинь, знаешь, а она права. Наша пещера совсем испортилась. Там везде такие трещины...

И будто в ответ на мамины слова в пещере что-то грохнуло, ухнуло, и она просела окончательно. В воздух взлетело облако пыли.

– Ну вот. Пещеры больше нет. Племени нет. Мы остались одни и без крыши над головой, – мрачно проговорила старшая Ка.

– Ух ты! – обрадовалась Ки. – Значит, теперь мы сами будем охотиться? И спать под открытым небом?

– Вот уж спасибо, – нахмурилась Ка.

Мама и Пинь посмотрели друг на друга.

– Еды у нас пока достаточно.

– Тихо, слышите? – Ка, у которой был самый тонкий слух в племени, подняла руку. Все замерли и прислушались. И правда, со стороны жилища шамана раздавались какие-то звуки.

– Я боюсь, – прошептала Ка, – это точно духи. Сейчас они и нас заберут, как и всех остальных!

И приготовилась реветь.

– А я не боюсь! Я сейчас этих духов... – начала Ки, но не закончила, потому что мама схватила обеих девочек и попятилась. Пятиться было трудно из-за разбросанных всюду камней.

Пинь взял в одну руку дубинку, в другую – камень и осторожно пошёл на звук. Стук шёл из пещеры шамана.

Обычно никто из племени никогда не приближался к жилищу шамана. Так повелось давным-давно, ещё при самых старых старейшинах.

Пинь подкрался поближе и как крикнет страшным голосом:

– Кто засел в пещере нашего шамана, выходи!

Мама за камнем обмерла от ужаса: а вдруг это духи, и вдруг они сейчас как набросятся, да как...

– Здесь никого неееет! – отозвались духи из пещеры голосом шамана. Да как грохнут в бубен, Пинь даже вздрогнул.

– Точно никого? – удивился Пинь уже своим нормальным голосом.

Входная шкура капельку отодвинулась, и в щёлочку выглянул один глаз.

– Вообще нет. Никого! Пинь, это точно ты? – и шаман вышел, с ног до головы обвешанный амулетами и оберегами.

– Шаман! Надо же! Мама, не бойся, выходите. Это наш шаман, – позвал Пинь.

– Не приближайся к моему жилищу, – неуверенно проговорил шаман, – это запрещено.

– Да ладно! – махнул рукой Пинь. – Наша пещера совсем обвалилась.

– А где племя?

– Все пропали. Только мы одни и остались.

– Надо спросить духов, что нам делать дальше, – сказал шаман и взялся за бубен.

– Ой, не надо духов! – закричала младшая Ки.

– Ещё не хватало, – проворчала старшая Ка.

– Прибраться бы надо тут у нас, – сказала мама, – ходить невозможно.

Они немного разгребли камни. Потом оттащили в сторону поваленные ветки деревьев. Огня не было, но они по привычке складывали хворост в аккуратные кучки.

Потом пообедали олениной. Вдруг небо потемнело и стал накрапывать дождик. Все посмотрели на шамана.

– Да ладно, теперь уж, наверное, всё равно. Идёмте ко мне.

В пещере шамана было совершенно темно и стоял странный запах. Очаг не горел, потому что шаман всегда мог взять огонь в основной пещере и не поддерживал его так тщательно, как поддерживали общий. Он и брал его не каждый день, а только когда нужно было для колдовских действий. Или согреться. Но стояло лето, было тепло, шаман огня давно не брал.

Люди, жалкий остаток исчезнувшего племени, завернулись в какие-то шкуры, которые лежали у шамана, и легли, сберегая силы. Было непривычно тихо. Никто не смеялся, не разговаривал, не ходил туда-сюда. Старейшины в своём углу не обсуждали какие-то важные дела, вождь не отдавал распоряжений, не носились дети, не болтали женщины. Слышалось только тихое капанье дождя и задумчивый шорох уце-

левших деревьев.

Огонь

Прошла примерно луна. Все камни, какие только можно было убрать с площадки перед обвалившейся пещерой, убрали. Мама с девочками ходили в лес и собирали кедровые орешки. Шаман и Пинь досушивали шкуры, добытые охотниками племени. Их не завалило, потому что во время разгрома они находились снаружи, а не в пещере. Оленина уже начала плохо пахнуть. Если бы племя жило обычной жизнью, мясо как раз уже доедали бы, но люди пропали, а оставшиеся не могли успеть всё съесть. Хотя, конечно, в этот месяц они не голодали. Но есть оленину было уже неприятно. Да и надоело, каждый день-то.

Пинь подошёл к реке. Прямо перед ним между камней неторопливо проплывала большая рыбина. Вот бы её поймать! Завялить на солнце несколько штук. Тогда они смогут ещё немного протянуть, пока мама и шаман что-нибудь придумают. Они каждый вечер обсуждали, что им делать. То хотели идти искать своих, но боялись, что совсем пропадут. То решали остаться на месте, но ведь без огня им зимой придёт конец. Между тем, ночи становились холоднее. И всё сильнее хотелось есть. На одних кедровых орехах долго не протянешь.

Пинь взял острый камень, приладил его к прямой палке

и пошёл на рыбалку. Он видел, как взрослые охотники били рыбу такими каменными копьями. Раньше, до того, как духи растрясли гору, в реке можно было плавать и нырять. Иногда Пиню даже удавалось поймать рыбу голыми руками. Но получалось не всегда. Рыба могла вырваться и уплыть от него. Всё-таки это скользкая добыча и руками её ловить неудобно. Духи набросали в реку огромных камней, и рыба теперь ходила между ними.

Пинь пришёл на реку, устроился на камне со своим копьём и стал поджидать добычу. Для этого он кидал в воду приманку, кусочки копчёной оленины – её было не жалко. Мама, девочки, шаман и Пинь уже видеть копчёной оленины не могли. Вскоре приплыла большая рыба и стала поедать кусочки мяса. Пинь изловчился, прицелился и ударил своим копьём по рыбе. Удар получился сильный, но бесполезный, ободрал ей немного бок и всё. Рыба отпрянула и поспешно уплыла.

Странно, подумал Пинь. Я же совершенно точно попал по рыбе. Почему же не получилось её пронзить? Наверное, догадался Пинь, потому что его острый камень недостаточно острый. Он спрыгнул на берег и нашёл другой камень. Пинь вспомнил, как мастера изготавливали каменные орудия: скалывали лишнее и получалось острое лезвие. Пинь размахнулся и изо всех сил треснул по камню. От этого удара вылетела искра, попала на сухой мох, он вдруг затлел и загорелся. Пинь, боясь спугнуть огонь, начал подбрасывать в него па-

лочки, веточки и другой сухой мох. Когда огонь более-менее разгорелся, Пинь нашёл большой плоский камень и устроил на нём маленький костёр. И понёс этот камень к пещере шамана, подкладывая по дороге хворостинки, чтобы огонь не потух. Мама, девочки и сам шаман где-то ходили, собирали кедровые шишки. Вот они удивятся и обрадуются!

Пинь занёс драгоценный огонь в пещеру и поднёс его к давным-давно приготовленному очагу. Ветки весело запылали, от очага стало расходиться тепло. Пинь побежал к сложенным заранее веткам и натаскал к очагу целую гору, про запас. Теперь бы ещё поесть, но только свежего, размышлялся Пинь.

И тут вернулся шаман.

– Ого, что я вижу! – закричал он с порога и вывалил собранные шишки прямо на пол. – Духи снова дали нам огонь!

– Не то чтобы духи, – возразил Пинь, – я ударил одним камнем о другой и поджёг мох.

– Духи помогли тебе!

Шаман схватил бубен и станцевал на поляне перед своей пещерой колдовской танец. Пинь опасливо наблюдал за ним, помня, чем закончился предыдущий. Но на этот раз обошлось, земля не задрожала, камни не полетели. Зато на звук бубна из лесу выбежала мама с девочками. Они остановились неподалёку и наблюдали за шаманом, не понимая, что случилось. Но вдруг мама почувствовала запах дыма. И увидела, как из расщелины в скале над пещерой шамана идёт

настоящий дым! Мама схватила девочек и побежала к пещере. Когда она заглянула внутрь и увидела огонь, то ноги у неё подкосились, и мама буквально села на пол рядом с кучей кедровых шишек.

– Ой, – сказала мама от всей души.

Пинь решил, что теперь поддержание огня в надёжных руках и пошёл обратно на реку. Там он нашёл свой камень и увидел, что от мощного удара, давшего им огонь, камень раскололся на две половины, и обе эти половины достаточно острые. Пинь опять приладил одну из половин камня к палке и затаился на валуне. Стал ждать, ждал, ждал и дождался. Мимо камня медленно проплывала большая пятнистая рыба. Пинь прицелился, изготовился и ударил точно по рыбе. Миг – и добыча уже трепещет у него в руках. Пинь, счастливый, вскочил и помчался к маме. Когда мама увидела рыбу в руках Пиня, она опять восхищённо сказала «ой» и крепко обняла сына.

У первобытных людей, вообще-то, такие нежности были не в ходу, уж очень у них была суровая жизнь. Но тут мама не смогла удержаться.

Мама почистила рыбу острым камнем Пиня, девочки сбегали на реку и принесли глины. Рыбу обмазали глиной и запекли в очаге.

Шаман делал вид, что ничего об этом не знает. Слышанное ли дело – запекать рыбу в его очаге, где можно только снадобья варить да разговаривать с духами при помощи пепла

и угольков? Шаман танцевал колдовской танец на полянке перед своей пещерой и просил прощения у великого предка-рыбы за то, что Пиню пришлось отнять жизнь у животного. Дотанцевав, шаман пошёл за хворостом. Сколько они ни собирали упавших веток, их ещё много валялось повсюду. Теперь у них снова есть огонь, который будет постоянно требовать пищи, и никак нельзя оставить его голодным. Огонь – не человек, он голод терпеть не будет. Человек тоже не может долго голодать, но огонь совсем не может.

Какой вкусной показалась людям рыба после целой луны с одной копчёной олениной, уже начавшей портиться! Этой ночью мама засыпала, исполненная восхищения своим сыном Пинем, который добыл огонь и поймал рыбу. И изготовил себе оружие, а маме – удобное приспособление для чистки рыбы. А ведь ещё совсем недавно Пинь вёл себя как маленький глупый мальчик. Убегал от обязанностей и не слушался вождя. Его даже чуть не выгнали из племени! И очень хорошо, что не выгнали, подумала мама и заснула под приятный треск огня в очаге. Ночью его поддерживал шаман.

Ильв

В трудах по заготовке запасов на зиму прошло лето, и уже запахло осенью. Стояли последние тёплые деньки.

Однажды Пинь с шаманом ловили рыбу, поднявшись чуть выше по течению от маленького стойбища, и клёв был осо-

бенно удачен. Они хотели наловить побольше рыбы, потому что стояли жаркие дни, а сушить и коптить рыбу лучше, конечно, в сухости. Когда рыбы наловилось уже довольно много, рыбаки собрались возвращаться домой с добычей. Вдруг из-за поворота выплыла невиданная посудина, а в ней на одном колене стоял человек и грёб какой-то штукой с расширением на конце.

Увидев людей, он бросил грести и вскинул вверх руку, показывая, что пришёл с добрыми намерениями.

– Хэй! – крикнул человек.

Пинь и шаман так и застыли в изумлении со своими каменными копьями в руках. Они и своих-то давно не видели, а чужого вовсе в первый раз.

Вернее, видеть-то видели, но издалека. Раз в год в их стойбище приходили молодые охотники соседнего племени свататься к девушкам их племени. Когда пары находили друг друга, всё племя пировало и радовалось созданию новых семей. Дети и шаман в празднике не участвовали. То есть в самом начале церемонии шаман танцевал колдовской танец со свадебным бубном, прося духов помочь охотникам и невестам найти именно свою пару, после чего удалялся в свою пещеру и сидел там до самого ухода молодых в соседнее племя. А дети не смели приближаться к месту церемонии и последующего пира – таково было распоряжение вождя. По окончании пира счастливые охотники увозили сосватанных девушек к себе. Веселье сменялось унынием и слезами – ведь

остававшиеся дома мамы не знали, увидятся ли они ещё когда-нибудь снова со своими юными дочерьми, навсегда уходящими в чужое племя.

Вот такая суровая жизнь была у первобытных людей.

Но вскоре охотники их племени уходили к соседям за невестами, и по их возвращении устраивался праздник встречи новых жён. Снова шаман танцевал колдовской танец со свадебным бубном, приветствуя молодые семьи. После этой церемонии племя снова закатывало пир, и в нём уже участвовали и дети, и шаман, и жизнь возвращалась в обычное русло до следующего года.

И опять начиналась борьба за еду и тепло: охота, рыбалка, сбор кедровых орехов в лесу, обработка шкур и заготовка припасов и хвороста, изготовление оружия и так далее.

Старейшины садились в кружок поодаль и что-то тихо обсуждали между собой. Однажды Пинь подслушал, о чём они говорят. Одни говорили, что племя растёт, а пещера – нет, и надо искать новое жилище для племени. Другие возражали – хорошая пещера, а то, что народу в ней много, так вместе оно теплее.

Со старейшинами разговаривали и спорили охотники, вождь и иногда даже женщины – из тех, кто постарше, а шаман никогда к ним даже не подходил. Его заботой было договариваться с духами погоды или с великими предками, прося их об удачной охоте или благодаря их за неё. Самостоятельных решений шаман до катастрофы никогда не прини-

мал и с чужаками не беседовал.

– Хэй! – позвал ещё раз человек и засмеялся. – Меня зовут Ильв. Это на нашем языке означает «смелый человек». Я приплыл издалека, шёл пол луны. У вас тут стойбище?

– Хэй! – крикнул в ответ Пинь.

Шаман от испуга уронил копье в воду. Пинь спрыгнул с камня и двинулся навстречу человеку. Тот вытащил на берег своё приспособление для передвижения по воде.

Это был ствол толстого дерева, выдолбленный изнутри. Как удобно, поразился Пинь. Правда, легко переворачивается, но если приноровиться, то вполне можно быстро плыть, загребая деревянным веслом. Весло было выше Пиня. Он взял его подержать, но тут же и грохнулся вместе с ним.

– Привет! Меня послали в путь люди нашего племени. Они поручили мне узнать, что находится там, то есть уже здесь. Нас стало слишком много, надо искать новое место для жилья.

– Тебя послали люди племени? А у нас обычно такие решения принимает вождь.

– Вождь у нас тоже есть. Но важные решения мы принимаем вместе – все охотники племени и вождь.

– А старейшины у вас есть?

– Есть. Но они ничего важного не решают. Так, спрашиваем их иногда, если надо узнать, как раньше было. Если помнят, то рассказывают. А когда-то они в силе были: заставляли нас жить по-старому, вечно ворчали, наказания придумыва-

ли. Ругались, если кто-то сказал что думает, а не то, что надо. Надоели. Указывали охотникам, как им охотиться. Видите ли, в их время так не охотились. Так про их время никто не спорит – их так их. А мы сейчас охотиться идём. И нечего нам указывать. Хотели выгнать старейшин, да вождь не позволил, сказал, что это бесчеловечно. Да мы и сами поняли, что погорячились. Подумали, да и посадили их под дерево – рассказывать детям про старые времена. Тоже полезно.

– А шаман у вас есть? – спросил шаман.

– Конечно, есть. Шаманит в свободное от охоты время: встречает утро, провожает вечер. На праздниках весны и осени шаманит, а мы все пляшем и подпеваем.

– В смысле, в свободное от охоты время? У вас шаман ходит на охоту?

– Конечно. Что ж ему, здоровому мужчине, отсиживаться, пока все охотятся?

– А с духами он разговаривает?

– Нет! Мы сами по себе, духи сами по себе. После удачной охоты относим им подарок к капищу и всё. А где ваши? Большое у вас племя?

– Наши там. Племя было большое, в пещере еле помещались, – шаман вздохнул, – да однажды наши духи вдруг разгневались, разломали гору, обрушили пещеру, а людей куда-то забрали.

– Вот только мы и остались. И мама моя. И сестрёнки.

– Вот это история. Ничего себе. Недобрые же у вас духи, –

сказал поражённый Ильв.

– Тихо, тихо! Разве ж можно! – зашептал шаман и опасно оглянулся по сторонам. Вокруг было по-прежнему спокойно. Духи не стали карать пришельца за его дерзость.

Улов сложили в лодку-долблёнку и привезли его к стойбищу, толкая лодку по воде. Мама Пиня уже поджидала рыболовов с обедом и очень удивилась, увидев их втроём, да ещё и с лодкой.

Ильв вежливо поздоровался. Сели обедать.

Потом девочки почистили рыбу и развесили её коптиться над щепками. Пинь и шаман ещё луну назад соорудили в камнях удобную коптильню. На маленькое стойбище спускалась ночь. В небе зажигались звёзды.

Ильв рассказывал о жизни своего племени, о том, что оно сильно разрослось и что охотники вынуждены далеко уходить и долго сидеть в засаде, чтобы подкараулить добычу. Звери поняли, что в этих местах добра не жди и ушли далеко от места обитания племени Ильва. Охотники научились ставить ловушки, но всё равно еды хватало едва-едва, племя в основном выживало за счёт мамонтов, которые попадались редко и добыть их было очень нелегко, и за счёт сезонных проходов оленьего стада через их места. Ещё ловили рыбу, весной добывали птичьи яйца, но всего этого было недостаточно. Вот его, Ильва, и послали разведать новые места для отселения части племени.

А ещё Ильв в своих местах не нашёл той, которая при-

шла бы ему по сердцу и, отправляясь в исследовательскую поездку, в глубине души надеялся, что ему попадётся по дороге племя, где его ждёт та самая...

Но об этом он не рассказал, а только иногда взглядывал на маму Пиня, такую красивую в свете костра рядом с уютно прикорнувшими к ней дочками – старшей Ка и младшей Ки.

Вместо этого Ильв рассказал, как одна сообразительная девочка по имени Ва поймала и приручила козлёнка, а потом ещё одного. Поначалу над ней все смеялись, а мальчишки даже пытались охотиться на этих козлят. Но Ва охраняла их очень внимательно, а её папа построил для них загородку. Другие девочки приходили дружить с козлятами, приносили им травку и воду. Когда козлята подросли, у них в один прекрасный день вдруг родился маленький козлёночек.

Тут уж даже вождь пришёл посмотреть на затею Ва. Он строго-настрого запретил мальчишкам даже думать о том, чтобы охотиться на приручённых животных. Козлёнок сначала питался маминым молоком, а потом подрос и стал жевать травку, как большой. А у козы вымя наполнилось молоком, и она ходила несчастная и жалобно блеяла. Тогда мама Ва пришла к ней с глиняной чашкой и выдоила молоко из вымени козы. Коза даже запрыгала от радости, так ей стало от этого хорошо. Но потом вымя наполнилось снова, и мама снова подоила козу. Так у племени появилось козье молоко. Сразу потребовалось много кувшинов и чашек. Один старик по имени Ны копал глину и лепил из неё посудины. Потом

их обсушивали на солнце. Но всё равно они легко ломались и крошились. И были шершавые на ощупь. Однажды такой горшок поставили на угли и забыли. А утром он оказался прочный как камень. С тех пор так и стали делать: лепили горшок или кувшин из глины и обжигали его на углях. Ны взял себе помощников, и некоторые из них даже надавливали или выцарапывали на стенках посуды всякие узоры. Так посудыны и застывали – с узорами. Хозяйкам нравилось.

– А у вас-то что стряслось? – спохватился Ильв.

– Стряслось, верно, – кивнул шаман, – мы благодарили великого предка-оленя за удачную охоту, и вдруг горы как затряслись, камни как полетели, кругом загрохотало, деревья стали падать как травинки. Все бросились кто куда, а утром оказалось, что остались только мы – Пинь, мама Пиня и девочки. И я. Пещера обрушилась. Огонь потух.

– Как же потух? Вот, горит же.

– А это Пинь его добыл из камня, когда делал орудие для ловли рыбы.

– Молодец, Пинь! – похвалил Ильв.

Пинь довольно разулыбался.

– А тебя как зовут, мама Пиня? – спросил Ильв.

Мама Пиня замаялась.

– Раньше как-то звали. Я уже не помню. А сейчас меня зовут мама Пиня и девочек.

– Так не годится. Знаешь, я назову тебя... Вем. На нашем языке это значит нежная и отважная подруга сильного чело-

века. И красивая.

Мама Пиня изумлённо распахнула глаза. А ведь верно, красивая, с удивлением подумал шаман. Привык, не замечал.

– И знаете что. Идёмте-ка со мной. Вы все. Что вам тут сидеть в этих развалинах. Вем, ты согласна?

Мама Пиня, вернее, Вем, привычно опустила глаза, но потом прямо посмотрела на Ильва.

– Да, согласна, – сказала она.

Ки с радостным визгом запрыгала по полянке. Рассудительная Ка сначала скептически задумалась, а затем кивнула. Пинь был вне себя от счастья. Шаман усмехнулся и покачал головой.

– Спасибо, Ильв, за предложение. Вы идите. А я останусь. Вы молодые, а я уже старый, я подожду здесь. Рыбачить я научился, огонь есть. Шкур полно. Может, ещё и наши вернуться, кто знает. А я, покуда жив, сохраню огонь в своём очаге.

Наутро Ильв и Вем, а также Пинь и сестрёнки – старшая Ка и младшая Ки отправились в долгий путь, где через пол луны пути жило большое, гостеприимное племя, сумевшее приручить диких коз. Ильв свернул две большие шкуры – они будут на них ночевать в походе. Пинь взял камни, дающие огонь, и своё каменное копьё. Мама взяла десяток копчёных рыбин. Ка взяла в узелке сладкие семена. Дети их племени любили собирать и выковыривать эти семена из колосков. Ки взяла глиняную куколку, которую сама слепила из

речной глины. Ей было и весело оттого, что они собираются в дальний путь, и грустно, что она покидает стойбище, где прожила всю жизнь. Шаман принёс целый мешок кедровых орешков.

Он немного проводил путешественников. Они пошли пешком вдоль реки вверх по течению, оставив ставшую бесполезной лодку. На высоком пригорке шаман остановился и сказал, что дальше не пойдёт.

– Прощайте. Удачного пути! – пожелал путникам шаман.

– Может, до свидания? Счастливо тебе оставаться, удачно пережить зиму, – сказала Вем.

– Может, заглянем ещё, дорога знакомая, – улыбнулся Ильв, – точно с нами не пойдёшь?

– Не пойду. Моё место здесь. Ну, счастливо, удачи вам, в добрый путь!

– Пока, пока! – крикнули дети и устремились вперёд.

Пока маленький отряд не скрылся из глаз, шаман всё стоял на пригорке и смотрел им вслед.

Перед ними лежал долгий путь, а потом – совершенно новая жизнь.